

**РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА ГЕОРГИЯ ЧИЧЕРИНА
В НОРМАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
(январь–март 1922 г.)**

В статье рассматривается деятельность народного комиссара иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина (1872-1936) в качестве председателя комиссии по подготовке всеобщей европейской конференции. Впервые акцент сделан на внутренние разногласия большевиков по вопросам взаимодействия с капиталистическими странами. Особое внимание уделяется новым подходам немецкой и отечественной историографии в изучении исторических параллелей Веймарской и Советской республик.

Ключевые слова: Рапалльский договор, советско-германские отношения, Веймарская республика, Генуэзская конференция, Коминтерн, территориальные претензии, держатели акций, экономическое сотрудничество, радикальная интеллигенция, дипломатическая гибкость, контрпретензии.

С 90-х годов XX в. в отечественной исторической литературе муссируется факт военного сотрудничества Германии и Советской России как предпосылка заключения пакта о нейтралитете фашистской Германии и Советского Союза в 1939 г. и развязывания Второй мировой войны. С исторической точки зрения такое утверждение необходимо квалифицировать как абсолютный нонсенс, потому что советско-германские отношения в период 1918-1922 гг., вплоть до подписания Рапалльского договора (1922), носят совершенно особый, ни с чем не сравнимый характер. Обе стороны, не имея дипломатических отношений, открыто работали друг против друга и в то же время пытались извлечь из своих связей максимум возможного благоприятного и полезного для борьбы с третьими странами. Этот период нельзя ставить в один ряд с последующим Веймарским и тем более фашистским временем [1]. Рапалло означает в глазах Запада, по мнению современного немецкого автора Беаты Бендер, что-то большее, чем соглашение немцев с другой державой; стало упреком заниматься политикой Рапалло. Все время слышится нотка морализирования. Особенно это характерно для французской и британской позиции: «Мы все знаем: всегда, если Вы, немцы, объединяетесь с русскими, вы появляетесь в Париже» [2. S.153-154]. Энциклопедия «Британика» (1988 г.) повторила то, что многократно утверждается в журналах Великобритании, но абсолютно не соответствует исторической правде: «главный результат договора был тот, что Германия могла тайно производить и опробовать в России новые прототипы оружия, которые Версальским договором были запрещены» [2. S.154]. Фактически то же самое говорилось по поводу Рапалло и во французской энциклопедии Ларусса (1984 г.) [2. S.155].

* © Садовая Г.М., 2009

Садовая Галина Михайловна – кафедра зарубежной истории Самарского государственного университета

Цель статьи — доказать, что российско-германские отношения в январе-марте 1922 г. касались исключительно вопросов экономической и политической сфер, и находились они под контролем Г.В. Чичерина. Истории советско-германских отношений в этом случае необычайно повезло. Г.В. Чичерин незаслуженно недооценен, пребывает до сих пор в тени сначала его могучего современника В.И. Ленина, а потом культа личности И.В. Сталина. Долгое время советская историческая литература утверждала, что Чичерин был лишь исполнителем воли В.И. Ленина в деле подготовки Генуэзской конференции и подписания Рапальского договора, а эпохальное событие явилось реализацией гениальной прозорливости Ленина, а не профессиональной дипломатической деятельности Чичерина. В настоящее время появились в характеристике позиции наркома иностранных дел перекосы другого плана: якобы Чичерин наперекор Ленину и всей большевистской верхушке самостоятельно подписал Рапальский договор, чего не могло быть по определению. Например, отечественный историк П.В. Макаренко в своей статье утверждает, что Ленин стоял за срыв конференции [3. С.88].

Благоприятное решение проблемы — нормализация советско-германских отношений — заключалось в том, что главные фигуры процесса сближения — Г. Чичерин, а с немецкой стороны В. Ратенау — категорично, энергично, бескомпромиссно отвергали включение в повестку переговоров вопросов, связанных с Польшей, Версальским договором и, тем более, военным сотрудничеством. Без этих незаурядных, исторических личностей, интеллектуалов XX в. история каждой страны наверняка бы, как и двусторонние отношения Веймарской и Советской республик, развернулись бы иначе. Случайным или закономерным было то, что во главе внешнеполитического ведомства РСФСР оказался интеллектуал, дворянин по происхождению, тонкий ценитель музыки (пианист), осознававший долг перед обществом, необходимость внести свою лепту в улучшение жизни людей не только своей страны, но и, прямо скажем, человечества. Принципиально то, что Г. Чичерин не щадил своей жизни, «выкладывался» в полной мере для достижения наилучшего результата в своей профессиональной деятельности. Примечательно, что в Веймарской республике Чичерин считался лицом немецко-русского Берлина наряду с Ратенау, А. Луначарским, Брокдорф-Рантцау [4. С.121]. «Чичерин говорит по-немецки без всякого акцента и выглядит как немецкий профессор; он мог бы быть учителем в немецкой школе... Он забавный, чуть-чуть сатанинский и абсолютно космополитичный, ничего русского» [4. С.110].

Период 1922 г. был очень сложным по разным причинам и для Германии, и для Советов. Берлин и Москву разделяли сильные предубеждения: одни были связаны с убийством царя, другие — с убийством Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Но одновременно их связывали общие интересы прорыва экономической, политической блокады со стороны Антанты, на международной арене они выступали в качестве изгоев. Дискуссии по поводу процесса сближения двух сторон не выносились на широкую общественность и были делом маленькой, но влиятельной группы людей [2. S.156]. С немецкой стороны за восточное направление отвечал Мальцан, но очень активно подключался В. Ратенау [6. S. 344].

Чичерин полностью нес ответственность за подготовку к Генуэзской конференции. Он рассматривал ее как путь связи с Западом, без которого Россия не сможет восстановиться. Большие надежды в прорыве дипломатической блокады он возлагал на Германию. Российские вопросы горячо обсуждались в полити-

ческих кругах Германии, например в клубе «Немецкое общество 1914 года», где членами комитета по внешней политике были дипломаты. К ним относились Аго фон Мальцан (в октябре 1921 г. стал руководителем восточного отдела министерства иностранных дел), генерал фон Сект, именно с его именем связано сотрудничество между Рейхсвером и Красной армией [4. С.156-157]. Наряду с Мальцаном влиятельной фигурой истеблишмента времен Веймарской республики был Раумер (управляющий и член правления Центрального объединения германской электротехнической промышленности, депутат рейхстага от Немецкой народной партии) [5. С.42-43]. В их квартирах бывали влиятельные политики, государственные деятели, промышленники, банкиры, например, В.Ратенау Ф. Эберт, французский магнат Лушер и другие, а также советские деятели Радек, Луначарский, Чичерин, Копп, Красин [4.С.124].

Г. Чичерин четко осознавал парадоксальность международного и внутреннего положения коммунистического режима России. Он строго отделял политику государства от линии Коминтерна. Но в реальности сделать это было крайне сложно, ибо все решения в области внешней политики принимались не в наркомате иностранных дел, а в Политбюро РКП, в состав которого Чичерин не входил [4. С.315]. Крайне затруднено было непосредственное исполнение профессиональной деятельности представителями Германии в Москве и, соответственно, представителями России в Берлине. Они даже не были хозяевами в собственном доме. В Москве немецкое посольство сначала вынуждено было делить свое помещение с солдатами-повстанцами: освободившись от русского плена, они ожидали своей репатриации в Миссии Красного Креста и устроили там «Рабочий и солдатский совет» [4. С.315]. А в советском представительстве в Берлине вплоть до ратификации Рапальского договора старая Посольская церковь продолжала оставаться центром и опорным пунктом русской белой эмиграции. В начальной фазе можно говорить о двоевластии на территории посольств. В обоих городах в Москве и Берлине посольства поддерживали связи со своим подпольем: в Берлине со спартаковцами, в Москве — с антибольшевистскими силами. Не соблюдались основные правила дипломатических связей: экстерриториальность и иммунитет посольств. «Не всегда было ясно, — пишет немецкий исследователь К. Шлёгел, — где располагался центр представительских интересов Советской России: в коминтерновском Берлине или в посольстве на Унтер ден Линден, у полпредов Советского государства или в центральном комитете КПГ. То же самое относится и к немецкой стороне: немецкое правительство вплоть до подписания договора в Рапалло (апрель 1922 г.) официально поддерживало связи с представителями русской эмиграции в Германии, которому были предоставлены консульские права» [4. С.317,318]. Очень немногие годились в этой ситуации на дипломатическую работу. Немецкий представитель Хильгер писал: «Надо было иметь незаурядное самообладание, чтобы вести переговоры с людьми, которые буквально пытались поджечь крышу у нас над головой» [4. С.319].

6 января 1922 г. на международной конференции в Каннах было принято решение о созыве всеобщей конференции по экономическому восстановлению Европы. Немедленно в РСФСР была создана комиссия под руководством Чичерина по подготовке такой конференции. Внешнеполитический курс Советской республики был фактически сформирован Чичериным в результате многочисленных заседаний, дискуссий, консультаций с высшими партийными и хозяйственными чиновниками. Принципиальным содержанием его концепции отношений с Западом стало не установление сепаратных договоров, не ревизия Вер-

сальского договора, не заговор против Запада с целью решения билабиальных (двусторонних) проблем, а выстраивание политики, открывающей дорогу единой, экономически сильной, без военных угроз, политического шантажа и территориальных претензий Европе. Советы, считал нарком, должны одновременно находить точки соприкосновения с Англией, Францией, Германией, Италией, Скандинавскими странами, малой Антантой. Эти параллели не должны вредить наиболее важному для нас сближению с Англией и вытекающим из основных исторических предпосылок дружеским отношениям с Германией [7. Т.2.Л.94].

Всем хозяйственным комиссариатам (Кржижановский, Сокольников, Пилевский, Преображенский, Н. Любимов и другие оказали существенную поддержку наркому) было дано задание выявить материальные, людские и интеллектуальные ресурсы советской страны, а представителям в Англии, Франции поручено расследовать количество мелких держателей российских акций. В январе были начаты полуофициальные переговоры в Берлине (глава делегации К. Радек), поскольку Чичерин стал склоняться к урегулированию отношений с Германией, хотя Радек, отчасти Литвинов предпочитали урегулировать отношения сначала с Англией и Францией, надеясь с их помощью проложить путь в Америку.

Утомительно и неприятно было для Чичерина выдерживать бесконечные дискуссии с архилевыми большевиками, особенно Радеком (членом исполкома Коминтерна), выставлявшими задачи мировой революции на первый план. «Мы не должны упускать из вида, — настаивал Чичерин, — что какие бы то ни были выступления революционного характера, они будут идти в разрез с актуальными сейчас производственными целями». У нас уже давно принято и указано даже пленумом Центрального комитета строгое разделение Советского государства и Коминтерна. Советское государство защищает политические и экономические интересы трудящихся масс России» [7. Т.2. Л.128].

Чичерин неоднократно прямо заявлял, что Радек наносит громадный дипломатический ущерб России [8. С.343]. Чичерин блокировался в выработке линии с Красиным (нарком внешней торговли и представитель в Англии), их позицию за границей Ллойд-Джордж и Ратенау обозначали как не большевистскую. Главными оппонентами Чичерина были Радек, Воровский, Иоффе и Литвинов. Эти максималисты-большевики в силу зависти и прочих обстоятельств развязали настоящую войну с наркомом иностранных дел.

Наконец Чичерин изложил свою концепцию 25 февраля на заседании подготовительной комиссии: «Дополнительные соображения по вопросу о тактике Российской делегации в Генуе». Нарком заявил: «Я думаю, что в данный момент действительное восстановление нашего транспорта, нашего сельского хозяйства и важнейших отраслей нашей промышленности невозможно без иностранного капитала. Генуя, в случае благоприятного исхода или хотя бы в случае разрыва не из-за нас, послужит, во всяком случае, началом притока к нам иностранного капитала, даст если не желаемые миллиарды, то хотя бы некоторые суммы, и расчистит путь к дальнейшему экономическому сотрудничеству с Западом» [7. Т.2.Л.126]. Необходимо вступить на путь лавирования и отступления, настаивал нарком, и идти на сделки, предоставляющие некоторое поле деятельности частному капиталу, но устанавливающие для него строгие рамки. «Мы приглашаем иностранный капитал на долгосрочные концессии, лет на 60. Иностраный капитал пойдет на это только в том случае, если будет уверен, что в течение этих 60 лет он будет пользоваться полученными от нас благами. Смешно думать, что его в этом убедят какие-нибудь наши бумажные гарантии.

С какой стати он им поверит» [7. Т.2.Л.126]. «В одном из моих интервью я говорил о концессиях: стол с яствами накрыт, но гости почему-то не идут. Иностранная печать ответила: если стол с яствами накрыт в разбойничьей берлоге, никто туда не пойдет, ибо будет уверен, что его там ограбят или убьют» [7. Т.2.Л.126].

В переписке с доверенными лицами Чичерин сетовал, что его не поддерживает в выборе пути взаимодействия с Западом ЦК РКП, который не удосужился рассмотреть его многочисленные предложения: «Я совершенно не могу понять, почему мы должны держаться системы погашения контр-претензиями в то время, как можно почти наверняка сказать, что на этом пути мы соглашения не достигнем, а легко достигнем соглашения в направлении перенесения платежей в более или менее отдаленное будущее с присоединением новых кредитов, что гораздо выгоднее. Мелкие держатели хотят иметь утешение, что хотя бы в будущем им вернули их денежки... На эти 2 млн французских держателей русских займов опираются всякие Нулансы и другие реакционеры. Можно даже прямо поставить признание долгов в зависимость от получения займа, уплатить же обязуемся через 15 или 20 лет, когда все изменится. Этот именно путь может вести к соглашению и по существу гораздо выгоднее, чем простое погашение контр-претензиями, которое, несомненно, поведет к разрыву» [7. Т.2.Л.133]. Чичерин поддержал путь для улаживания долгов, предложенный Красиным: удовлетворить бывших собственников акциями в смешанных предприятиях или в сверхконцессиях на бывшую иностранную собственность и реституцией частной собственности. Но в отношении промышленности и индивидуальной собственности, нам по всей вероятности, придется признать принцип возмещения убытков от действий и распоряжений нашего правительства, разумеется, на основе взаимности [10. Т.3.Л.6-7]. Чичерин предлагал снять претензии частных собственников на пути удовлетворения их партиципацией (участие работников в управлении предприятием наряду с его руководителями и собственниками) в наших предприятиях [9. Т.1. Л.134].

Нарком призывал членов комиссии проявить благоразумие в вопросе о неприкосновенности права собственности: «Антанта указывает устами целого ряда наиболее авторитетных носителей своих взглядов, что большой капитал не пойдет в Россию, если прежние собственники не будут удовлетворены. ...Можно было бы согласиться на перенесение начала действительной уплаты долга на более отдаленный срок, т.е. через 20 лет» [9. Т.1. Л.129].

Чичерин очень скрупулезно анализировал международную обстановку и все перипетии вокруг Советской России. Он настаивал на тончайшем анализе вопроса отношения к пацифистскому крылу буржуазии. Большевистским радикалам казалось, что он неоправданно делал ставку на позицию радикальной интеллигенции, группирующуюся вокруг американского журнала «Нейшен», Анатоля Франса, французского писателя, околосамоамериканского президента Вильсона, например группа Буллита. Тем более, пролетарским чиновникам была непонятна ориентация Чичерина на крупную, деловую буржуазию (шоколадная отрасль Кэдберри, Фрей и др.), а также значительную часть французской промышленной буржуазии во главе с Лушером и Кайо, а не на международный рабочий класс [9. Т.1.Л.131-132]. Нарком смело заявил, что в области общей политики ввиду несамостоятельности рабочих слоев нужно приноравливать свою акцию в гораздо большей степени к радикальной интеллигенции и к пацифистской буржуазии [9. Т.1.Л.132]. «Радикальная интеллигенция — Кейнс, Брэлсфорд и другие — самая блестящая, рикошетом может сильно повлиять на рабочие партии,

– убеждал Чичерин, а ее мы больше всего пленим безбрежно красивыми смелыми перспективами». Из указанных элементов сил, на которые следует опереться, Чичерин выделял как наиболее политически сильные, серьезные и деловые элементы левой буржуазии, которых представляет, например, английский журнал «Экономист» [9. Т.1.Л.132].

Советская сторона должна себе уяснить, инструктировал нарком, что она не может диктовать Европе свою волю, было бы утопией вести переговоры, исходя из положения о близкой победе пролетариата: «Это было бы уместно, если бы Буденный стоял на Рейне или хотя бы в Берлине. Необходимо искать какого-то компромисса, соглашения для длительной передышки» [10. Т.3.Л.5]. На всех заседаниях подготовительной комиссии он настойчиво подчеркивал: «Никакое соглашение не достижимо, если Советская делегация резко поставит и будет проводить последовательную революционную точку зрения... При предстоящих переговорах с Европой об условиях мира нам придется стоять не столько на позиции коммунистического переворота, сколько на почве европейских принципов частной собственности и «международного права», хотя бы и с максимальными оговорками и ограничениями» [10. Т.3.Л.5-6].

Коммунистическая позиция может быть удержана, по мнению наркома, только в вопросе о земле. «Тут, вероятно, признают конфискацию как факт, ибо, во-первых, Европа в этом мало заинтересована, а во-вторых, отобрание земли без выкупа уже слишком бесспорное выражение воли российского крестьянства» [10. Т.3. Л.6]. В результате упорных и совместных усилий Чичерина и Красина в борьбе с радикалами удалось решить насущный вопрос о ликвидации ВЧК, поскольку западные экономические круги видели в ней непреодолимое препятствие для улучшения отношений: «ВЧК окончательно упразднена, и ее место заняло нечто вроде политической полиции с правами и функциями, мало отличающимися от подобных же учреждений Западной Европы» [10. Т.3.Л.15].

Многое из программы, которую предлагал Чичерин – признание долгов, компенсации пострадавшим от социалистической национализации мелким и крупным собственникам, не было принято. Тем не менее, Чичерин смог устранить категоричность, ультимативность в формулировке позиции делегации и получить «свободу рук» на переговорах с Германией (Берлин, Генуя) со всеми вытекающими последствиями. Особняком стоят отношения В.И. Ленина и Г.В. Чичерина, очевидно одно, что нарком чувствовал (как показывают архивные материалы) поддержку Ленина в реализации своей тактики. Чичерин действовал, опираясь на свою интуицию, блестящую эрудицию и дипломатическую гибкость, не в последнюю очередь сыграли положительную роль его эстетические и художественные вкусы. Все эти качества проявились в Генуе и помогли установить дипломатические отношения с Германией.

Библиографический список

1. Садовая, Г.М. Германия: от Кайзеровской империи к демократической республике (1914-1922 гг.) / Г.М. Садовая. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. – 273 с.
2. Beate, Benter. Der Mythos eines Vertrages. Was Verstehen die Russen unter Rapallo? / В. Beate//Deutsche, Deutschbalten und Russen. Studien zu ihren gegenseitigen Bildern und Beziehungen. Herausgegeben von Klaus Meyer. Institut Nordostdeutsches Kulturwerk. – Льебург, 1997 – S.153, 154, 155.
3. Макаренко, П.В. Г.В. Чичерин и В.И. Ленин: два подхода к решению государственных интересов Советской России на Генуэзской конференции /

П.В. Макаренко // Чичеринские чтения. Идеология и национальные интересы в системе внешнеполитических координат XIX-XX вв.: материалы международной научной конференции 12-13 октября 2007 г. — Тамбов, 2008.

4. Шлёгел, Карл. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919-1945) / Карл Шлёгел // Новое литературное обозрение. — М., 2004.

5. Путлиц, Вольфганг По пути в Германию. Воспоминания бывшего дипломата /В. Путлиц. — М.: Иностр. лит., 1957.

6. Schülzel, Christian. Walter Rathenau. Eine Biographie / Christian Schülzel; Hrsg. Ferdinand Schoningh. — Paderborn; München; Wien; Zürich, 2006.

7. Архив МИД РФ. Фонд. Архив Красина. Генуэзская конференция. — Т.1-3 (далее Архив Красина); Т.2.Оп.1.Папка 1.

8. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. — М.: Наука, 1998. Док. №96

9. Архив Красина. Т.1.Оп.1.Папка 4.Д.27, Д.192.

10. Архив Красина. Т.3.Оп.1.Папка 1.

G.M. Sadovaya

**ROLE OF GEORGE TCHITCHERIN, AN INTELLECTUAL,
IN NORMALIZATION OF THE SOVIET-GERMAN RELATIONS
(January – March 1922)**

Activity of G.V. Tchitcherin, national commissioner for the foreign affairs of RSFSR (1872-1936) as a chairman of the commission on preparation of general European conference is considered in this article. For the first time the emphasis is made on internal disagreements of bolsheviks concerning interaction with the capitalist countries. The special attention is given to new approaches of a German and domestic historiography in studying historical parallels of the Weimar and Soviet Republics.

Key words: Rapallo treaty, Soviet-German relations, Weimar Republic, Genoese conference, Comintern, territorial claims, Shareholders, economic cooperation, radical intellectuals, diplomatic flexibility, counter claims.